

Е. ВИШЛЕНКОВА, профессор

Университетские символы могут быть разделены на три группы: «эмблемы», защищающие от чужаков (дипломы, аттестаты, студенческие билеты, пропуска, зачетки, форма и т. д.); «метки», обозначающие границы правильного (расписание занятий, нормы поведения); «боевые знамена», олицетворяющие превосходство «университетских» над другими социальными группами (устав, иконы-покровительницы, надпись на фронтоне «императорский университет» или «государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина», печать, архитектура зданий и т. д.). Все эти символы задают определенный образ действий университетскому человеку даже тогда, когда он находится вне корпорации. В этом смысле они действуют как линзы, сквозь которые члены сообщества видят мир и опознают друг друга. Есть символы вещественные, предметные, а есть абстрактные¹.

Часть университетских знаков оказались вневременными и сохранялись на протяжении 200-летней истории университета, часть – забыты и утрачены. Однако все они являются своеобразными признаками университетской культуры, маркируют университетское пространство Казани.

В имперский период жизни университет имел своих святых покровителей: святого мученика Галактиона Емесского и преподобного Авксентия Вифинского². Их иконы, а также «ковчег» из красного дерева, в котором хранились утвердительная грамота и устав, напоминали о моменте рождения *alma mater*. Им поклонялись, воздавали хвалу, закрепляя в памяти ощущение радости, вызванной основанием в Казани храма наук. С возведением главного корпуса над его двухъярусным аттиком в 1825 г. был водружен огромный крест, отмечающий размещенную на втором этаже Крес-

Символы Казанского университета

товоздвиженскую домовую церковь. Тогда же он стал эмблемой университета³.

Христианская символика буквально пронизывала жизнь Казанского университета первой половины XIX столетия. Она выполняла не только представительную, но и воспитательную функции. Размещенные на местах сосредоточения внимания сакральные вещи, слова, фразы закладывались в подсознание молодых людей. Так, на каждой кафедре, стоящей в учебной аудитории, по приказу попечителя образовательного округа М.А. Магницкого было высечено изречение: «В злохудожну душу не внидет премудрость, ниже обитает в телеси, повинном греху». Показательно, что после ареста и увольнения Магницкого эта надпись не была стерта. И спустя десятилетия воспитанники признавались: «Буквы эти, которые я постоянно имел перед глазами в течение трех лет, как огненные буквы Бальтазара, так врезались в мою память, что и через 40 лет я вижу их как бы перед собой»⁴.

Эффективные способы примитивной

психотехники применялись и в «комнате уединения» – карцере. Данный «институт» был производным от завоеванной средневековыми университетами автономии. Добившись от властей привилегии корпоративного суда, интеллектуалы должны были озаботиться созданием репрессивных мер для пресечения девиантного поведения своих членов. А потому подобные комнаты мы обнаружим в каждом старинном университете. Казанский карцер просуществовал до начала 1860-х гг. Это была небольшая (16 шагов по периметру) комната без окон и мебели, расположенная в углу антресольного этажа главного корпуса. Свет в нее проникал через закрытую стеклом трубу, выведенную на крышу. На стене карцера была написана картина страшного суда. Сидевший здесь часами и сутками студент вынужден был созерцать это жуткое зрелище.

С первых лет учреждения Казанского университета в нем ввели обычай поощрять студентов вынесением им публичной *благодарности* и вручением *наград*. До 1820 г. воспитанников награждали научными книгами, заключенными в специальный подарочный переплет. На обложке золотом сияла надпись: «За прилежание и успехи господину студенту...»⁵. Они олицетворяли тот символический капитал, что приобретали лучшие воспитанники в стенах *alma mater*. С 1820 г. администрация стала вручать избранным воспитанникам медали. Сначала их было пять: золотая – за познания в богословии и четыре серебряных – за успехи в учебе. Медальерные изображения заказывал сам М.А. Магницкий⁶. Естественно, что в духе времени медаль должна была символизировать религиозные ценности, мистический путь познания жизни и таинств природы. Соответственно, здесь предполагалось изобразить «гения наук и искусств, посреди его принадлежностей, освещенного сиянием креста, с неба сходящим, для выражения божественного света евангельского учения, коим отныне должны озариться все науки, в университете преподаваемые»⁷. Под «гением» в те времена под-

разумевали не столько человека, сколько духа-покровителя. Из представленных проектов попечитель выбрал рисунок медальера В.Е. Алексеева. На оборотной стороне медали была отлита фраза из псалма, ставшая девизом Казанского университета: «В свете Твоем узрим свет».

В дальнейшем число наградных медалей росло. Уже в 1825 г. их стало восемь (одна золотая и семь серебряных)⁸. А по уставу 1835 г. Казанский университет, как и все остальные российские университеты, стал вручать выпускникам 8 медалей единого образца: четыре золотые – за решение конкурсных задач и четыре серебряные – за создание лучшего сочинения. На оборотной стороне награды, внутри лаврового венка, красовалась надпись: «преуспевшему»⁹.

В начале XIX века все успевающие студенты по прохождении трехлетнего курса обучения получали *свидетельства*. Это был обычный лист канцелярской бумаги, куда вписывались происхождение выпускника, его возраст и оценки за прослушанные курсы. Запись завершалась ссылками на правительственные постановления и императорские указы, дарующие воспитанникам университета классные чины. Отдельное свидетельство выдавалось за «поведение и нравственность»¹⁰. С 1835 г. во всех российских университетах были введены для кандидатов – дипломы, для действительных студентов – аттестаты единого образца. С 1863 г. выпускникам юридического факультета выдавалось еще и удостоверение о благонадежности¹¹.

Университетский устав 1804 г. предписывал студентам носить *единую форму*. Мундир, с одной стороны, придавал учению статус государственной службы, а с другой – выделял университетскую публику, отличал образованных от неучей и, таким образом, способствовал формированию корпоративного мировосприятия.

В первые годы существования университета форменная одежда студентов включала башмаки или сапоги, темно-синий мундир, белое «нижнее платье» и треуголку¹².

Студентам вручалась шпага – символ привилегированного сословия. Однако, судя по всему, до ревизии 1819 г. казанские студенты вряд ли носили форму повседневно, скорее надевали ее в дни особых торжеств. Запись в инспекторском журнале за 9 мая 1816 года гласит: «Ректор передал мне предложение попечителя от 14 апреля с.г., что, ввиду ожидаемого приезда в Казань великого князя Николая Павловича, все студенты должны быть одеты в форму»¹³. К тому же в те годы форма предназначалась только для казеннокоштных воспитанников, своекоштные ходили в «партикулярном платье».

В царствование Николая I власти стали строго следить за внешним видом чиновников от просвещения и их воспитанников. Заставив преподавателей и студентов надеть форменный мундир, правительство было вынуждено согласиться на создание более дешевого его варианта – повседневного вицмундира¹⁴. С 1819 по 1831 гг. в комплект форменной одежды казанских студентов входили серая шинель, синий однобортный мундир с фалдами (студенты называли их «хвостиками»), такого же цвета двубортный сюртук с брюками «поверх сапог» и «нижнее платье». Сюртучную и мундирную пары украшали белые плоские металлические пуговицы. С мундиром полагалось носить треуголку и «шпагу без темляка, висевшую на отлете, на двух пасмах кожаной портупей»¹⁵. Внешне казанские студенты отличались от столичных тем, что москвичи и питерцы носили синий мундир с красным воротником и красными медными пуговицами.

В те годы цвет и покрой студенческой формы был почти идентичен мундиру преподавателей и чиновников университета. У них тоже имелся темно-синий мундир, но, в отличие от студенческого, со стоячим воротником, с белыми пуговицами, на поверхности которых красовался государственный герб, и с серебряным шитьем, пущенным по воротнику, обшлагам¹⁶ и клапанам¹⁷. Объем вышивки на мундире точно

указывал чин, которого достиг его обладатель. Обыкновенные профессора, в том числе ректор и деканы, украшали свой парадный мундир по краям воротника, обшлагам и клапанам серебряными листьями лавра. Кроме того, на поверхность клапанов клалась серебряная нить, образующая узор дубовой ветви, и такие же ветви красовались на передних частях воротника и окружали пуговичные петли.

Экстраординарные профессора и адъюнкты могли вышить только воротник и обшлага, преподаватели с 9-м и 10-м чином имели шитье только на воротнике, а чиновники 12 и 14-го классов могли вышить только бортик воротника¹⁸. Студентам шитья не полагалось вовсе. Кроме того, в отличие от своих воспитанников, преподаватели носили круглую шляпу, и их форма не включала шпагу. Каждая деталь мундира символизировала восхождение человека по ступеням социальной лестницы и становилась объектом желаний и зависти, олицетворением благополучия и успеха.

В 1831 г., когда министерство предписало изменить цвет сукна студенческой формы, шинель осталась серого цвета, а мундирная и сюртучные пары стали темно-зелеными. И только воротник к ним сохранил синий цвет. На его передней части красовались две серебряные петлицы из галуна. Большинство студентов Казани по бедности вместо петлиц из галуна носили петлицы, вышитые серебряной ниткой, а университетское начальство делало вид, что не замечает их хитрости¹⁹. Покрой формы остался прежним. В правилах для студентов 1845 г. содержалось подробное описание студенческой формы. По сравнению с 1831 г. пуговицы на студенческом костюме стали выпуклыми и с государственным гербом. Специально оговаривалось, чтобы подкладка под мундиром и сюртуком была обязательно черной. С 15 апреля по 15 сентября студентам предписывалось носить белые брюки из демикотона или нанки и шпагу в белой замшевой портупее²⁰.

С точки зрения университетской культуры, важен не только вид формы, но и отношение университетских людей к костюму, присущая им манера носить его. Ношение формы являлось обязательным. Более того, каждый год студент получал «таблицу», в которой по дням недели было расписано, когда надевать мундир, а когда вицмундир. За их состоянием зорко следили инспектор и его помощники. Такие строгости ничуть не снижали привлекательности ношения мундира для молодых людей. Некоторые выпускники гимназий, как свидетельствуют воспоминания, записывались в университет, прельстившись исключительно перспективой ношения студенческой формы²¹. Особенно притягателен для молодых людей был нарядный мундир военного образца²². Своекостные студенты заказывали форму у портных, и те по желанию заказчика вносили в нее дополнительную галантность неприметными для неискущенного глаза деталями. Потому в аудитории так выделялись казеннокостные студенты, чья форма была «совершенно одинаковая... и носимая ими как-то особенно небрежно»²³, и вольнослушатели, не имевшие права на мундир и потому ходившие в «партикулярном платье».

В период 1860-1880-х гг. обязательность формы в университете была отменена. «Правила для студентов» тех лет гласили: «Учащиеся должны быть на лекциях в приличном платье, причем не допускается ношение национального платья и каких-либо знаков отдельной народности, товариществ и обществ»²⁴. Кажалось бы, отмена униформы отражала либерализацию жизни университетского сообщества. Однако это новшество не вызвало восторга у студентов: «Мера эта была встречена общим сочувствием со стороны старых студентов, но молодежь, новички, хотя по принципу и одобряли «гражданский» сюртук, однако же не могли удержаться от искушения видеть себя с синим воротником, символом студенчества, и понаделали себе вицмундиры»²⁵.

Очевидно, в данном случае сказалась не

только инерция повседневности. При отмене формы менялся весь устой университетских отношений. Студенты и преподаватели разом стали частными людьми, а аудитория потеряла былой официальный вид. «Рваные, засаленные сюртуки, с обычной красной, кумачной рубашкой, встречались сплошь да рядом, – вспоминал А.И. Овсянников, – неряшливость и небрежность в костюме были обычным явлением»²⁶.

Университетская корпорация утратила одну из важных черт своей идентичности – мундир. Она оказалась «раздетой» и тут же внешне распалась на бедных и богатых. В начале 1880-х гг., чтобы выделиться из толпы обывателей, многие российские студенты стали носить синие очки и длинные волосы. А казанские воспитанники добавляли к этому внушительной толщины палку из карельской березы. Некоторые юноши стали рядиться в нарочито русский костюм или закутывались в плед²⁷.

Вновь в форму казанские студенты оделись в 1887 г. Это был всё тот же «парадный однобортный мундир из тёмно-синего сукна с металлическими пуговицами с государственным гербом (двуглавый орел) или двубортный сюртук с такими же пуговицами и голубым воротником»²⁸. В комплект студенческого парадного мундира всё еще входила шпага, но теперь её ношение не являлось обязательным. В повседневной жизни студенты одевались в «тужурку с отложным воротником и голубыми петлицами».

Казалось бы, ношение форменной одежды должно было стереть имущественные различия между студентами, однако, как явствует из воспоминаний, социального расслоения студентов единообразный костюм уже не скрывал. «Щеголи» имели возможность выделиться из общей студенческой массы. В первой половине века они носили португепю для шпаги не из кожи, а из черной шелковой ленты муарз; в отличие от сокурсников, ходивших в сапогах, обувались в модные тогда башмаки со шнурками, за что весь юридический фа-

культет носил прозвище «разряда паркетных шнурков». А в конце столетия «аристократы» являлись на лекцию в парадном мундире, который шили из дорогого сукна и на запрещённой белой подкладке. Поэтому в студенческой среде их именовали «белоподкладочниками».

Спустя годы и даже десятилетия по окончании университета бывшие студенты легко воспроизводили внешний вид своих профессоров: причёску, походку, мимику, костюм, жесты. Индивидуальная манера ношения костюма, присущие человеку жесты были языком выражения его внутреннего мира²⁹. Особенно запоминались молодым людям те педагоги, которые выделялись из общего «форменного» контекста. Особенности ношения формы, отступления от правил сигнализировали аудитории о необычности её обладателя, являлись неким кодом для раскрытия его личности. И поэтому ориенталист Казембек, например, воспринимался в своем персидском костюме как человек вольнолюбивый и своенравный³⁰.

Д.А. Корсаков описывал манеру одеваться, присущую почитаемому им В.И. Григоровичу: «У себя дома зимой пребывал он в каком-то меховом тулупчике и в туфлях, а в гости являлся не иначе как во фраке или вицмундире, с цилиндром в руках... Фрак и вицмундир были постоянно испачканы, руки грязны, сорочка и цилиндр измяты, а сапоги не чищены»³¹. В эпоху формализма такая манера одеваться вызывала сочувствие в университетской среде. Ведь большинство заурядных преподавателей тщательнее следили за пуговицами и кантиками мундира, чем за развитием науки по своей специальности.

В конце столетия изменился не только костюм, но и весь облик университетского человека. Если в 1840-е гг. ношение усов на гражданской службе считалось преступлением, то в 1880-е гг. редкий казанский профессор был без усов, бороды и пенсне. Для российской интеллигенции того времени эти аксессуары являлись символом народности

и патриотизма. Из профессорской жилетки непременно свисала цепочка от часов. Столь же сильно изменился «антропологический тип» студента. Университетские правила 1845 г. запрещали воспитанникам носить трости, зонтики, усы, длинные волосы и бакенбарды. С фотографий конца века на нас смотрят юноши в очках с длинными, зачесанными назад волосами.

В 1918 г. новая власть отменила форму и учебные знаки всех учебных заведений – считалось, что нельзя отличать тех, кто учится, от тех, кто не учится³². Между тем студенты дореволюционных наборов еще долго донашивали старую форму, поскольку сменить ее было просто не на что. В 1950-е гг. в Казанском университете предпринимались попытки возродить форменный костюм – он был введен для студентов геологического факультета. Однако это было скорее ведомственное, чем вузовское или собственно университетское начинание. Да и у геологов форма просуществовала недолго и вскоре была упразднена, хотя, по словам современников, нравилась студентам, повышала их самооценку.

В целом вплоть до сегодняшнего дня официальная символика и эмблематика Казанского университета оставалась на периферии внимания. У него не было ни гимна, ни флага, ни своих постоянных (неюбилейных) памятных знаков и наград, о чем весьма сожалели воспитанники. Единственное, что осталось у многих из них от студенческих лет, – это фотографии, диплом да «поплавок» или «ромб» государственного образца, введенный в 1950-е гг. Он воспроизводил основные черты дореволюционного значка, но уже с новыми, «советскими» элементами: вместо императорского креста на голубом (позднее – кобальто-синем) фоне красовался бронзовый герб СССР. Университетский «поплавок» выделял «своих», отличал их от воспитанников прочих учебных заведений. «Многие, особенно выпускники мужского пола, носили значок на своих костюмах. Это считалось достоянием, отличительным знаком, им гордились», –

вспоминают студенты 1960-х. Однако в последующем «все реже можно было встретить человека с этим знаком. Иные времена, иные ценности...».

Развитие факультетского и кафедрального патриотизма подталкивало членов этих сообществ к разработке собственной символики. Некоторые кафедры обзавелись *значками*. Так, на кафедре физиологии животных биофака КГУ в 1960-70-е гг. был значок с изображением царевны-лягушки. На значке геофака изображен бегемот с рюкзаком. На факультете вычислительной математики и кибернетики существовали значки с надписью «ВМК» и изображением перфокарты и перфоленты, в другом варианте – с изображением человека, опирающегося на букву «У». Геологи носили значок с символикой трёх основных специальностей факультета. Значок юристов представлял собой щит с портретом Ф.Э. Дзержинского.

Памятные значки выпускались к юбилеям. Так, к 175-летию появился значок, по окружности которого было воспроизведено полное название вуза, сверху – даты (1804-1979), по центру – часть главного здания с колоннами, надпись «175 лет» и две соединенные лавровые ветви. Они вручались не только участникам торжеств, но и всем хорошо успевающим студентам. «И мы страшно гордились, что у нас эти значки: как ударники труда!», – вспоминали они впоследствии. Активные участники мероприятий и почетные гости получали ещё и кожаные папки с тиснением, изображавшим главное здание, и бронзовую настольную медаль.

Фронтон главного здания университета в советское время украшали два ордена: орден Трудового Красного Знамени, которым университет был награжден 11 июля 1955 г., и орден Ленина, врученный 23 октября 1979 г. Ниже, на карнизе, в годы советской власти появилась надпись, сделанная золотыми буквами: «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.И. Ульянова-Ленина». Эта символика стала настолько привычной, что многие ее просто

не замечали. Однако изменение этих знаков произвело на современников неизгладимое впечатление. В середине 1960-х гг. в Казани снимался фильм «Первая Бастилия», посвященный началу революционной деятельности В.И. Ленина. Над главным зданием воздвигли бутафорский крест, а современную надпись на фронте закрыли муляжом «ИМПЕРАТОРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ». «Все ходили и смотрели», «меня это очень поразило», – вспоминали очевидцы.

Университетские символы советского времени в Казани сосуществовали с общеуниверситетской и императорской символикой. И по сей день лепные украшения в виде летящих муз на пристроенном фронте главного здания, рыцарский шлем с плюмажем и совой над центральным входом в главный корпус напоминают о привилегированном статусе университетских людей. Однако современные студенты, далекие от владения тайнами античной и средневековой символики, не читают эти письмены. «Я всегда смотрела на эти символы, восхищалась, но об истинном значении так никогда и не узнала», – пишет одна из анкетиремых.

Круг университетской символики расширяется за счет наделяния символическим значением отдельных элементов университетского пространства, обретающих таким образом статус «мест памяти». Проведенный нами социологический опрос показал, что основным местом памяти для преподавателей и студентов было и остается *главное здание*, его портик из двенадцати колонн по центру фасада. Оно стало не только визуальным маркером, но и поэтической метафорой:

Разве это мы зовем годами?
Пять всего, а сколько перемен!
В море жизни и меня волнами
Унесет из этих старых стен.
Но забуду ль день светловолосый,
Как смеялся надо мною он,
Как мальчишкой робким и курносым
Я пришел к подножию колонн...

Что ж! Пора! Куда несут нас волны?
Сколько там морей, и гор, и рек...
Только эти старые колонны
В памяти впечатаны навек.³³

Макет главного здания КГУ в советские годы студенты и преподаватели несли впереди праздничной колонны во время ноябрьских и майских демонстраций. Его стилизованное изображение выполняет функцию «официального» символа для издательства университета. Ныне это официально утвержденный знак Казанского университета, воспроизводимый в качестве логотипа на бланках, изданиях, сувенирной продукции.

«Местами памяти» для университетских людей Казани являются и «длинные гулкие коридоры» главного корпуса («казалось, что вот сейчас по коридорам будет ходить толпа студентов XIX века, и даже если бы появился сам Н.И. Лобачевский, то это никого не удивило бы»), «лестница со старинной решеткой», «вестибюль главного здания», «парты XIX века, от которых пахнет деревом», чугунная решетка университетских ворот. И все же колонны – это, если можно так выразиться, место «высокой памяти», возвышенно-романтический образ университета. «Свет колонн Казанского университета не меркнет даже в ночи», – писал Г. Чеботарев³⁴.

Среди «высоких» символов бывшие студенты называли также *памятник Лобачевскому*. Излюбленным местом отдыха, о котором вспоминают с неизменной любовью и ностальгией, был скверик его имени: «Здесь назначались свидания, просто гуляли, когда были «окна» в занятиях». Особый уют, красоту и прохладу придавали ему высокие, тенистые деревья, которые в 1990-е гг. были срублены, что лишило скверик столь привлекательной «неофициальности».

В воспоминаниях и анкетах фиксируется и верхняя часть Ленинского сада. Истинно «народным», «неофициальным» символом – олицетворением студенческого братства и веселой школярской жизни – была и является ныне знаменитая университетская

«сковородка», гранитное полукружье со скамьями у памятника студенту В. Ульянову. Бывшие и нынешние воспитанники возводят любовь к «сковородке» в ранг университетской традиции. Вот как пишут об этом бывшие студенты КГУ: «Сковородка» пользовалась успехом потому, что находилась близко к университету, и на ней собиралось много народа», «здесь студенты загорали и встречались с друзьями в перерывах между занятиями», «часто отдыхали на «сковородке», обсуждали различные вопросы», «сидели и любовались красотой и жизнью нашего университетского городка!», «сковородка» – это прекрасное место отдыха для студентов», «символом университета для меня была и осталась «сковородка» и тот вид на главное здание, который с нее открывается». Да и сам *памятник Володе Ульянову* утратил в университетском сознании культовый смысл и превратился в «нашего Володю», в олицетворение казанского студента: «Памятник В.И. Ленину на «сковородке» – это символ студенческой свободы, надежды, студенческого стремления жить и учиться»; «для меня всегда, где я ни буду, будет вызывать трепет, если я увижу свою родную «сковородку» с памятником Володе». Его миниатюрные копии дарилась почетным гостям университета.

Произвольное сочетание близких, однозначных или, напротив, неоднозначных символов порождало известную аналогию между содержанием и формой, создавало «образный портрет» Казанского университета, который у каждого университетского человека был свой. Он комбинировался из разновременных объектов: «Памятник молодому Володе Ульянову... И еще – колонны главного здания. Для меня это – университет». Сложившаяся знаковая система усиливала притягательность университета как феномена культуры, делала его вневременным, вечным, адекватным. Несмотря на различия подходов, мировоззрений, университет оставался «уютным и родным в любое время года и в любую погоду – и это самое важное».

* * *

Университетская культура образует плотную «паутину значений и смыслов», которые передаются из поколения в поколение по многочисленным каналам связи. Среди них есть официальные каналы – учебные и научные ритуалы и символы, письменная история и соответствующие этому речевые практики, а есть неофициальные, но не менее действенные каналы вневременной связи – фольклор, мифы, сказания, предрассудки, сленг, жаргон, граффити. В ритуалах, символах и мифах университетские люди не только выражали себя и сохраняли своё корпоративное единство, но и утверждали среди современников высокую ценность образования и культуры. Университет виделся очагом мудрости, светочем вселенной, а просвещение – действенным средством преобразования общества.

Университетская корпорация – это одновременно «видимое» и «воображаемое» сообщество. Оно периодически сталкивается лицом к лицу (заседания, празднования, конференции), но большую часть времени просто мыслит себя таковым. Ощущать себя университетскими людьми членам корпорации позволяют ритуалы, а также выработанные в ходе их исполнения идеи-эмблемы и символы.

Ритуалы – действия, создающие у людей чувство моральной общности. В этом смысле жизнь университета сплошь ритуализирована, начиная от лекций и заканчивая празднованием юбилеев. В ходе совершения ритуалов стереотипные действия (использование предписанных жестов, облачение в одеяния, произнесение словесных формул, декламация стихов, исполнение песен и т. д.) вызывают особый социальный эффект: внимание собравшихся фокусируется, а их настроения усиливаются и накапливаются. В результате люди объединяются в общей для них реальности и четко ощущают границу между собой и кем бы то ни было еще. Как правило, при этом они берут на себя взаимные моральные обязательства, а объединяющие их объекты становятся

символами, напоминающими о пережитом эмоциональном всплеске, о групповой принадлежности.

Университетские ритуалы и символы – и имеющие двухсотлетнюю историю, и совсем молодые – интегрируют и причудливо трансформируют элементы традиций многих культур и субкультур: российской и западноевропейской, средневековой и современной, религиозной и светской, военной и гражданской. Это многообразие и эклектичность университетской символики отражает специфику функционирования российской университетской культуры в общемировом культурно-историческом контексте.

Примечания

- ¹ Среди абстрактных символов центральным является сакральная ИСТИНА. Это царствующий объект, мерло жизни университетской корпорации. На него ссылаются, им защищаются, ему приносят жертвы и во имя него карают.
- ² *Загоскин Н.П.* История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804-1904. Т.1. – Казань, 1902. – С.211.
- ³ Ансамбль Казанского университета // ДИНА: Дизайн и новая архитектура. – 2002. – № 10. – С.33.
- ⁴ *Мамаев Н.И.* Из воспоминаний // Былое из университетской жизни. – СПб., 1904. – С.44.
- ⁵ Дневник и переписка профессора Ф.К. Броннера (1810-1817). – Казань, 1902. – С. 83.
- ⁶ РГИА. Ф.733. Оп.39. Д.280.
- ⁷ РГИА. Ф.733. Оп.39. Д.280. Л.13.
- ⁸ ОРК ГПБ. Ф.1000. Оп.2. Ед. хр.792. Л.20 об.
- ⁹ РГИА. Ф.733. Оп.42. Д.181. Л.1-4.
- ¹⁰ РГИА. Ф.733. Оп.40. Д.9. Л.17-23. Долгое время эти документы были необычным явлением в бюрократической жизни России. Еще в 1820-е гг. в университетскую канцелярию приходили запросы из различных присутственных мест, требовавшие подтвердить право университетских выпускников на привилегии.
- ¹¹ НАРТ. Ф.977. Оп. Совет. Д.5417. Л.23.
- ¹² НАРТ. Ф.977. Оп. «Училищный комитет». Д.48.
- ¹³ *Нагуевский Д.И.* Профессор Франц Кса-

- верий Броннер, его Дневник и Переписка (1758-1850). Ч.2. – Казань, 1902. – С.141.
- ¹⁴ Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т.II: Царствование императора Николая I. 1825-1855. Отд. I: 1825-1839. 2-е изд. – СПб., 1875. – С.29.
- ¹⁵ Темляк – тесьма с кистью на шпаге, знак офицерского чина; портупея – пояс с застежкой для шпаги (Мамаев Н.И. Из воспоминаний // Былое из университетской жизни: Литературный сборник к 100-летию Императорского Казанского университета. – Казань, 1904. – С.41).
- ¹⁶ Обшлаг – нарукавный отворот.
- ¹⁷ Клапан – лоскут, составляющий род покрывашки, например над карманами.
- ¹⁸ Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т.II: Царствование императора Николая I. 1825-1855. Отд. I: 1825-1839. 2-е изд. – СПб., 1875. Приложения. – С.5.
- ¹⁹ Лебедев В.А. Учебные воспоминания // Русская Старина. – 1908. – № 7. – С.23; № 8. – С.246.
- ²⁰ РГИА. Ф.733. Оп.44. Д.26. Л.12.
- ²¹ Так, А.С. Гацисский признавался: «От нас, гимназистов, отбирали подписку «о роде избрания жизни»... Мне почему то очень нравился голубой студенческий воротник ... и я, не колеблясь, написал, что желаю поступить в университет» (См.: Гацисский А.С. Воспоминания об А.М. Бутлерове, С.В. Ешевском и др. профессорах 1850-х гг. // Былое из университетской жизни. – СПб., 1904. – С.105). Высокопоставленный сановник и признанный писатель П.И. Мельников-Печерский спустя годы писал: «Получал я после и чины, и кресты, и перстни, и денежные награды, но не было никакого сравнения с тою радостью, с тем восторгом, который я чувствовал, надевши студенческий вицмундир и прицепивши с боку шпагу» (См.: Мельников-Печерский П.И. Автобиография // Полное собрание сочинений. – СПб., 1987. Т.1. – С.47).
- ²² Учившийся в конце 1840-х гг. Э.П. Янишевский передал испытанные им чувства «человека в мундире»: «К началу сентября все было готово; десять раз примеренные, поправленные вицмундиры и мундиры сидели отлично... Особенно любовался я на свой вицмундир – двубортный, с широко расставленными вверх, по тогдашней моде, почти до самых плеч и суживающимися внизу пуговицами с орлами, с маленьким стоячим голубым воротником и с шестью пуговицами на карманах. С каким удовольствием шел я в первый раз в своем новом платье! Думалось, что все как-то особенно на тебя смотрят – и конфузливо, и бесконечно радостно было» (См.: Янишевский Э.П. Из воспоминаний старого казанского студента. – Казань, 1893. – С.13).
- ²³ Янишевский Э.П. Из воспоминаний старого казанского студента. – Казань, 1893. – С.22.
- ²⁴ НАРТ. Ф.977. Оп. Совет Д.5685. Л.16.
- ²⁵ А.О. [К.Лаврский] Воспоминания о профессорах и студентах в начале 1860-х гг. // Былое из университетской жизни. – СПб., 1904. – С. 213.
- ²⁶ Овсянников А.И. Из воспоминаний старого педагога // Русская Старина. – 1899, июнь. – С.677.
- ²⁷ Хакимова А.С. Казанский университет в 80-90-е гг. XIX века: Дисс... канд. ист. наук. – Казань, 1997. – С.183.
- ²⁸ Танский М.В. Казанский университет в 1890-х гг. девятнадцатого века // ОРРК НБЛ. Ед. хр. 8035. Л.2.
- ²⁹ Так, вспоминая «бесцветного» профессора физиологии В.Ф. Берви, Янишевский писал о нем: «Длинный сухой старик, с длинным носом, седыми зачесанными наперед волосами, в крупнейшем жабо, из которого торчали еще стоячие воротнички, подпиравшие большие уши» (См.: Янишевский Э.П. Из воспоминаний старого казанского студента. – Казань, 1893. – С.44).
- ³⁰ Михайлов И.И. Казанская старина. Из воспоминаний // Русская Старина. – 1899. – № 10 (октябрь). – С.110. Между тем Казембек носил свой необычный мундир по специальному разрешению министра (См.: РГИА. Ф.733. Оп.40. Д.370. Л.1).
- ³¹ Корсаков Д.А. Былое в жизни Казанского университета 1856-1860 гг. // Былое из университетской жизни. – СПб., 1904. – С.173.
- ³² Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР, 1918. № 28. Ст.361.
- ³³ Ленинец. – 1940. – № 27. – С.2.
- ³⁴ Чеботарев Г. Сын двух миров // Казань. – 1999. – № 12. – С.63.